

М.М. Каспина

КАЛЕНДАРНЫЕ ОБРЯДЫ И ФОЛЬКЛОР В ВОСПОМИНАНИЯХ ЕВРЕЕВ УКРАИНЫ

Данная публикация основана на полевых материалах, которые были записаны в ходе экспедиций в Подолию (города Тульчин, Могилев Подольский) и на Буковину (Черновцы, Хотин, Сторожинец, Новоселица) в 2004–2009 гг. По результатам анализа интервью о календарных обрядах и фольклоре в среде восточноевропейского еврейства выявляются устойчивые повторяющиеся мотивы, отражающие яркие детские впечатления информантов о довоенных традициях, связанных с отмечанием еврейских праздников. Несмотря на явно редуцированную общую картину, эти рассказы отражают современное состояние коллективной памяти о традиционной восточноевропейской культуре, переживающей сложные процессы модификации. Через детские воспоминания транслируется историческая память о самых устойчивых деталях традиционной культуры.

Ключевые слова: еврейский фольклор, календарные обряды, детская память, народный календарь.

Данная публикация основана на полевых материалах, которые были записаны в ходе экспедиций в Подолию (города Тульчин, Могилев Подольский) и на Буковину (Черновцы, Хотин, Сторожинец, Новоселица)¹. Выбор Подолии и Буковины в качестве места проведения экспедиций объясняется тем, что здесь до наших дней сохранилась некоторая доля старожильческого еврейского населения, носителей аутентичной этнокультурной и языковой традиции. Во время Второй мировой войны эти регионы оказались под румынской оккупацией (зона Транснистрии). Несмотря на то что румынские оккупационные власти уничтожили евреев в нескольких городах, а население остальных загнали в гетто и концентрационные лагеря, значительная часть еврейского населения

пережила оккупацию. Таким образом, после войны юго-запад Винницкой и северо-запад Одесской областей Украины оказались одним из немногих регионов, где сохранились «этнографические» еврейские общины. На юго-западную Украину также переехали многие евреи из городов и местечек соседней Бессарабии, выжившие после войны. При этом евреи Буковины и Бессарабии до 1940 г. жили на территориях, входивших в состав Румынии, где не было советской власти. Разговаривая с такими информантами, которые родились в 1920–1930-х г., мы можем зафиксировать уникальные воспоминания о довоенной и досоветской еврейской традиционной культуре, где не была разрушена система традиционного еврейского образования, соблюдались религиозные обычаи, действовали синагоги и хедеры. До начала войны нашим собеседникам было по 10–15 лет, и они успели застать живую ту восточноевропейскую еврейскую традицию, о которой их сверстники, живущие на территории Советского Союза, уже слышали только от старших родственников или читали в художественной литературе.

Еврейский календарь, который, будучи лунно-солнечным, рассчитывается по достаточно сложной системе, всегда был важным консолидирующим фактором для еврейских общин. Евреи, с которыми мы проводим интервью, большую часть своей взрослой жизни прожили в нееврейском окружении, и поэтому им необходимо было поддерживать связи с религиозными авторитетами своей общины, чтобы знать – когда наступает в этом году тот или иной праздник, в какие дни соблюдать пост, когда идти на кладбище помянуть умерших. Однако основная мотивировка, почему следует отмечать тот или иной праздник, у большинства наших информантов звучит одинаково – так делали мои родители, и я так буду делать. Не раз по ходу наших интервью мы замечали, что разговор о еврейских праздниках начинается в подтверждение или отрицание собственной национальной или религиозной идентичности информантов: «мы этого ничего не соблюдали, только на Пасху мацу покупали...»; «моя бабушка все праздники соблюдала, а мы...»; «мама не была религиозная, но она все отмечала...»

Целью настоящей работы будет не столько реконструкция тех или иных календарных обрядов в среде восточноевропейского еврейства, сколько выявление ярких детских впечатлений о довоенных традициях отмечаемых еврейских праздников. Реконструкция вряд ли возможна, учитывая, что мы имеем дело с информантами – переселенцами из разных мест, в каждом из которых были свои локальные варианты восточноевропейской еврейской традиции. Кроме того, в целом ашкеназские еврейские календарные обряды и обычаи довольно неплохо изучены и описаны как в художе-

ственной и мемуарной, так и в научной литературе: см., например, рассказы Шолом-Алейхема, И. Башевиса Зингера, посвященные годовому циклу, воспоминания П. Венгеровой, И. Котика, монографии М. Зборовского, Е.Э. Носенко, Гутмана и др.² Мы же попытаемся выявить механизмы детской памяти, хранящие знания о традиционной культуре, вычленив наиболее запоминающиеся элементы традиции, понаблюдать за их частотностью. Изучение коллективной памяти неизбежно должно иметь междисциплинарный характер, который затрагивает историю, психологию, фольклористику, культурную антропологию³. Мы, в рамках данной работы, будем опираться на нарративы о еврейских календарных обрядовых практиках и на календарный фольклор, обращая внимание на устойчивость основных вербальных средств для выражения и передачи детской памяти.

Участие детей в праздничных церемониях

Поскольку разговоры о довоенных еврейских традициях затрагивают самые ранние, детские воспоминания наших информантов, не удивительно, что одними из самых ярких впечатлений от календарных обрядов являются рассказы о непосредственном участии детей в праздничных действиях.

Так, в цикле осенних праздников особенно выделяется обряд капорес – перед Йом Кипуром, Судным днем было принято крутить над головами всех членов семьи живую курицу, на которую переходили все грехи. Потом курицу резали и отдавали бедным или ели сами. В рассказах об этом обряде мы часто фиксируем воспоминания именно о детских впечатлениях:

Я знаю, что мама мне крутила курицу. [...] Да, а капурэ. А капурэ. А капурэ-хиндл [курицу искупления. – М. К.]. Так мама мне крутила над головой, это на... [...] На Йон Кипер. Крутила мне над головой, э... «Дир цим лебн, им – цим тойт. Дир цим лебн, им – цим тойт. Дир цим либм, им – цим тойт». Тебе к жизни, ему к смерти. Тебе к жизни, ему к смерти. Крутила над ей и мне, крутила над головой (Chern_06_014_Ivankovitzer).

Капурес, шлугэн капурэс – это есть такое, перед новым годом, покупают курочек, мама покупала мне, Рае, Давидке. Дедушка говорил молитвенные слова, и мы шлугэн капурэс и, это, резали, давали беднякам. Это называлось шлугэн капурэс на простом языке, а на таком, более – капора называется. [...] Чтобы эта курица забрала все плохое, что тебе может быть. [...] Дедушка крутил и говорил слова, а потом бедному давали деньги и курицу, чтобы он себе имел на праздник (MP_08_022_Nayberg).

Второй осенний праздник, который запечатлелся в памяти наших информантов, – Симхат Тора или Симхес Тойре, когда дети

приходили в синагогу, нарядно одетые, и приносили с собой красиво украшенные флажки:

Когда Симхат-Тора, есть такой Симхат-Тора, так теперь маленькие флажки имели, ну, маленькие дети, конечно, и красное яблочко туда на стерженек идем такие, такие мы гордые, что имеем такой флажок с красным яблочком (Novosel_09_06_Kurpnik).

Я помню, были флажки, ну как, я, ну я ж говорю, что мальчики идут, но у нас не было мальчиков. И были такие флажки из бумажки, тонкие, а были такие флажки с картона, там все разрисовано, все наши вот эти; и надо было сверху красное яблочко и свечку. Я знаю, шо у меня тоже был, значит, такой флажок, яблочко красное сверху и свечка, и... и в синагогу идешь, и вот это когда крутят... [А что нарисовано на флажках?] На флажках нарисована вся наша... история, наши эти вот... ну, как говорят, сорви наши все предки, предки! Нарисованы там – и где-то подписано, все на, не могу запомнить, когда ребенка... [А они покупались, или сами делали такие флажки?] Не-не. В магазинах все было, именно к празднику, в магазинах. [И вот эти флажки на какой праздник делались?] И на Симхас-Торе (Chern_07_024_Koifman).

Из оставшихся календарных дат еврейского годового цикла можно, пожалуй, выделить еще два: Пурим и Песах, связанных с непосредственным участием детей в праздничном ритуале и, соответственно, запомнившихся нашим информантам.

С Пуримом связаны воспоминания о маскарадных костюмах и театрализованных представлениях, которые устраивались до войны в тех городах и местечках, откуда родом наши информанты. Вот как вспоминает праздник Пурим информант, родившийся в г. Хотине:

Ходили ряженые. Собирались несколько евреев, надевали маски, ходили по домам, устраивали мини-представление или концерт. Движущим стимулом было то, что им давали несколько копеек – это бедные люди собирались, – заходили, пели несколько песен: царица Эсфирь... Эстер... Эстер-а-малке, Умен-а-руше [Аман – злодей. – М. К.]...» (Chern_07_017_Gurfinkel).

Обычно мы встречаем подробное описание именно тех масок и костюмов, в которые наряжались сами наши собеседники или их друзья, когда они были детьми – в служанку Эстер, у которой было шелковое платье и веер, чтобы обмахивать им царицу (Chern_08_01_Averbukh), в Эстер, в Амана (Chern_07_04_Katz), разрисовывали картонные маски и приклеивали к ним бороды (Chern_07_024_Koifman). Но иногда в памяти наших собеседников сохраняются и более подробные описания пуримских костюмов:

М.М. Каспина

Я помню. Я был очень маленький, еще помню один – один был, маска была одна, значит, одна маска была Моше Рабейну, когда принял Тору, носит тут все это [показывает на плечо], чтобы не убивать, чтобы не воровать, чтобы вот все эти 10 запретов, ну, фактически, не все 10 запретов, а все 10 заветов Божеские. Вот такое я видел. А потом видел маску лошадь из картона, вел, один вел лошадь эту, а в середине лошади там два человека, значит. Вот да, такие дела были. Была бригада, которая ходила, танцевала из дома в дом. Они одевались разными одеждами: и молдованскими, и австрийскими. Да, да, да. Вот такие дела – Пурим было (Novosel_09_06_Krupnik).

Тексты, которые было принято исполнять во время таких представлений, то есть сами тексты еврейского народного театра, в памяти наших информантов, увы, не сохранились. Однако несколько фраз, которые исполняли дети при входе в дом во время посещения еврейских домов, требуя себе награды за то, что пришли, помнят многие. Эти фразы варьируются, но общий смысл их один: сегодня Пурим, завтра уже нет, дайте нам деньги и прогоните нас вон: «A giter Pirim! Malah! Hant iz Pirim, morgen iz us, git mir a gratze, un vorft mih arus!» (Chern_05_02_Gimmelbrand), «Haint iz Pirim, morgen iz us, git unz a griven un me varft unz arus!» (Chern_05_01_Shternberg).

Пасхальные обычаи и обряды тоже оставили яркий след в памяти наших информантов. Часто вспоминают, как детьми они принимали участие в подпольной выпечке мацы, рассказывают о почетной обязанности, которая доставалась детям: протыкать в тонком тесте дырочки колесиком от часов или вилкой⁴.

Вот такой, значит, я еще была ребенком, я помню, у нас еще досталось это, доска осталась, на которой – к нам приходил дедушка, ну, для меня он дедушка. Вот, он сам был уже пожилой достаточно, а щас его могила, он уже совсем старый. Пекли у нас дома мацу. И я колесиком проводила вот эти вот линеечки по, по этим квадратикам (Chern_06_14_Kornblit).

Важнейшим событием празднования Песаха называют обычно пасхальный седер, устраивавшийся в довоенное время. Вспоминают общую церемонию, роли основных участников и, конечно, свои роли – что должны были делать дети. Часто сравнивают отца, ведущего седер, с царем:

Папу сажали на диван, вот, значит, он садился на пол на перине, чтоб ему мягко было, по бокам подушки, сзади подушки, он как царь сидел, мама тоже была красиво одета, стол красивый, три мацы накрыты красивыми полотенечками» (Chern_07_04_Katz); «Самый красивый Сейдер.

Я помню как мама делала два стула, подушка и это для отца... как царь, это ... на столе было три мацы... (Chern_07_020_Lebenzon).

Отмечают, что у детей были особенные маленькие стаканчики, поскольку на Песах положено выпить четыре бокала вина:

Последний сейдер довоенный я помню очень хорошо, я и брат, мы все сидели за столом. Детям наливали такие маленькие стаканчики вина. Это надо было выпить. [Это всем и детям тоже нужно было выпить?] Да, да. Дети тоже пили. Взрослые пили большие бокалы, а дети маленькие такие. Было интересно, конечно, было много евреев. (Chern_07_04_Katz). В некоторых домах до сих пор сохранились такие детские стаканчики.

В течение праздника дети должны были задать взрослым четыре ритуальных вопроса «фир кашес» о том, чем отличается пасхальная ночь от других ночей. И вплоть до наших дней многие наши информанты помнят наизусть эти вопросы. Часть может их произнести на иврите, а большинство – на идише:

Так как у нас мальчиков не было, не – был сын – так они уже были женаты, то я спросила эти четыре. [...] Tote, ikh wil dikh freygn di fir kashes. Di ershte kashe wil ikh dikh freygn. Farvus ole tug fin a gonts yur wiln mir esn khumets, wiln mir esn motse, oder didozike teg fin yontef esn mir nor motse? Nob ikh dikh gefregt eyn kashe [Папа, я хочу задать тебе четыре вопроса. Первый вопрос – почему во все дни года мы едим хлеб и мацу, а в эти дни праздника мы едим только мацу] (Chern_05_01_Shternberg).

Хотя эти вопросы положено задавать мальчику, нередко случалось так, что их задавали и девочки, если они были самыми младшими или если в семье не было мальчиков. Один раз нам удалось записать даже шуточный вариант таких вопросов, которые были очень популярны в фольклорной традиции евреев Подолии и Бессарабии в довоенное время:

А я вам расскажу несколько этих самых... Кашес! Только это такие каши, не религиозные, как, «A top ot a lokh – di waser e... rint arois. A galosh ot a lokh – di waser rint arain». [Почему у горшка дырка – вода из него вытекает, а у галоши дырка – вода в нее втекает] А второй, подожди, а второе как? Ага! «A top ot an oyer. Hengt». Висит. «Di ost tswei oyer un hengst nit!» [...] Горшок имеет ну, кастрюля имеет, это самое, одно ухо. И висит. Ты имеешь два уха – и не висишь! [...]. Вот такие это для юмора (Chern_06_014_Ivankovitzer).

Ритуальные формулы и фольклорные тексты, выученные в детстве, надолго сохраняются в памяти наших информантов, помогая восстановить ход довоенных праздничных обычаев.

Подарки

Еще одним важным механизмом сохранения детской памяти, помимо рассказов о собственном участии в праздничных церемониях, являются воспоминания о подарках, которые принято было дарить детям на определенные праздники. Таких праздников было три: Ханука, Пурим и Песах.

По обычаю, в ночь на четвертый или пятый день Хануки родственники дают детям независимо от их возраста «ханукальные деньги» (на идише это называется «хануке гелт» или «хонеке гелт», в зависимости от различных диалектов языка). Наши информанты вспоминают, как они на Хануку ходили с маленькими «торбочками» по всем еврейским домам в своих местечках, а им дарили мелкие монетки и угощали конфетами и пряниками:

Хонеке – это надо было дать сладости детям и жечь свечи, каждый день – добавка. Тоже подарки надо дать – хонеке-гелт, это не просто так. Праздничные деньги. Каждому надо было дать. Мама вынуждена была всегда менять крупные деньги, чтобы было, что им давать (Chern_05_02_Gimmelbrand).

И до сих пор словосочетание «хонеке гелт» осталось в памяти наших информантов как ключевой термин, который помогает им вспомнить сам праздник и традиции, с ним связанные.

Второй день в году, когда принято было посылать детей ходить по домам родных и знакомых за подарками и сладостями, – Пурим. Как и на Хануку, для таких подарков был особый термин – «шалахмунес» – праздничное угощение, состоявшее обычно из традиционных ументашей – треугольных печений с маком или вареньем и конфет.

На Пирим шалахмунес разносили дети, обязательно. Дети носят сладенькое, эти подарки несут (Chern_07_04_Katz).

Скорее всего, наши информанты сами как раз и были теми детьми, которым поручалось разносить подарки и угощения.

«[А на праздник Пурим обменивались пирогами?] Да. Это было принято у евреев. Это делалось между евреями. [А кого посылали?] Посылали своего мальчика, который уже ориентировался на улице, которого можно было отпустить. Он относил угощение в другой дом, и там ему давали ответное угощение» (Chern_09_08_Gurfinkel).

И еще один праздник в еврейском календаре связан с получением подарков – это Песах. Однако если на Хануку принято дарить деньги, а на Пурим сладости, то к Песаху старались подарить детям новую одежду и обувь: «Вот даже на праздник папа всегда... и с мамой покупали нам платичко, туфельки новенькие обязательно»

(Tul_05_Katzman). Часто сквозь детские воспоминания о празднике проскальзывают более поздние, уже взрослые мотивировки, в которых поступки родителей получают рациональные объяснения:

А родители старались в этот день купить детям – нас же пятеро, а работал один отец, мама болела, – так старались сложить так денежки, чтоб на Пейсах купить каждому ребенку обновку. Это не были такие обновки, как сейчас, мы не были такими избалованными. Но что-то было, каждый старался так хорошо вести себя, чтобы все-таки обновка была, хоть какая, но чтоб она была. Я помню, папа покупал парусиновые туфельки, что можно было тогда купить, но и то – смотря кому, старшим парусиновые туфельки, младшие носили уже то, что досталось от старших, – чистили, гладили, приводили в порядок, но каждому что-то было, кому рубашечка, кому туфельки, кому носочки, каждому... Но всех детей одевали с ног до головы чистенько, опрятненько, чтобы мы чувствовали, что это праздник (Chern_07_04_Katz).

Антиповедение

Немаловажным фактором, способствующим сохранению в памяти тех или иных традиций, является элемент антиповедения, который присутствует в некоторых еврейских календарных обрядах. Осознанное нарушение привычных повседневных норм, разрешенное в строго определенное время, запомнилось и отложилось в памяти наших информантов подчас ярче, чем сами нормы. Мало кто из них может сказать, с чем связан в еврейском календаре день 9 ава, посвященный скорби по поводу разрушения первого и второго Иерусалимского храма. Тем не менее почти все наши собеседники помнят, что в этот день было принято кидаться репейниками и колючками. Причем, если в традиционной мемуарной еврейской литературе этот народный обычай был связан с представлениями о том, что репейники кидают в бороду и одежду скорбящим старикам в синагоге (то ли для того, чтобы увеличить их скорбь по разрушению храма, то ли просто для развлечения)⁵, в современных воспоминаниях речь почти всегда идет о том, что так шалили дети и играли они друг с другом:

ФЛ: На Тишебов бросают, как они называются, бейрелех. СД: А, аф Тишебов? [Бузикес? Берелех?] ФЛ: Берелех, да. [Это репейники?] Колючки, да, да, да. СД: Дети играли. ФЛ: Дети играли и бросают друг в друга. [Друг в друга, да?] Да, они цепляются» (Khotin_07_02_Vaysman); «[А Тишебов был такой праздник?] Да! Собрали эти берлах! И бросали девочкам в волосы, да. Это Тишебеов. Это между прочим, праздник не веселый. Я уже и забыл, почему мы празднуем Тишебов (Novosel_09_06_Krupnik).

Иногда некоторые информанты даже вовсе путают праздники Тишебов – 9 ава и Лагбоймер – 33-й день после Пасхи, но сам факт нестандартного поведения надолго сохраняется в памяти:

Лагбоймер – знаете, что делают? Это, дети играют и вот, есть эти, репейки, как называются, вот эти вот – и, знаю, мальчики всегда сорвали это и в девочках в волосы, никак накру... Да! Накрутили, а потом надо было даже отрезать кусочек волос. Потому это всим, ребята бегали за девочками. Вот шо ж их волосы, да. Лагбоймер. [... А Тишебов?] – Ну, Тишебов – вот это... Тишебов – вот это, когда... эти, репейки, в... [А. Так на Лагбоймер или на Тишебов?] ...Не знаю, или Тишебов, или это. Ну, видите, все это все праздники. Я уже забыла (Chern_07_024_Koifman).

Попытки выяснить мотивацию такого странного поведения, к сожалению, ни к чему не приводят. Женщина, которая вспомнила и рассказала нам на идише, как ее сестра попала колючкой раввину в бороду и как ее наказали за это, не смогла объяснить – с чем связана такая традиция:

[А это разрешали делать, или это считалось не хорошо?] Нехорошо, конечно не...наказывали... Он так ее наказывал, что будь – будь – она была такая что... [А это только дети делали?] Да, только дети. [Именно в этот день?] Да, в этот день, только дети... [Ну, а как же все-таки объясняли, почему так делают?] Тоже я думала, чего? (Chern_06_09_Zherebetzkaya).

Мы видим, что в детской памяти хранится только сам факт нетипичного поведения сверстников, без мотивировок, а иной раз и без привязки к четкой календарной дате. Память об оставшихся праздниках с элементами антиповедения менее явно выражена в рассказах наших информантов. Лишь некоторые смогли вспомнить обычай играть в азартные игры, например в карты на Хануку, что было запрещено во все остальные дни. Также изредка вспоминают традицию громко шуметь в синагоге во время чтения свитка Эстер на праздник Пурим.

Тем не менее единичные рассказы о детских проказах во время некоторых других еврейских праздников мы иногда фиксируем. Так, в памяти одной нашей информантки сохранился рассказ о том, как во время Песаха в дом, где евреи символически открыли дверь для Ильи пророка, мальчишки запустили козу:

Ну, отец еще читал, молился там, и дверь открыли. И слышим «мен vartn az Eliou-aNuvi darf arainkimen» [Мы ждем, что должен придти Илья-пророк]. Ну, дети сидели, ждали. А было такое, были такие напарники, ну, ребята, что они пустили козу куда кому-то, ну у нас это не было. Для смеха!

Были ж тогда козы у людей. Дверь открыта, они везде открыты, пустили козу (Chern_07_01_Koifman).

А в Симхат Тору было принято портить друг другу те самые флажки, с которыми дети приходили в синагогу. Обычай этот описан, например, в рассказе Шолом-Алейхема «Флажок»⁶ (1900). Правда, нам только однажды удалось зафиксировать свидетельство о реальном существовании такой традиции:

Это был своего конкурс мод, понимаете. Конечно не среди девочек, я не помню, может и девочки тоже, мальчики в основном. Каждый старался изготовить, не изготовить, купить и оформить так. Это было не на Суккот, на Симхат Тора. [...] Значит, они изготавливали флажки, флажки, на которых были изречения из Торы. По-моему, даже, мне кажется, что они даже не были самодельные, они продавались. Знаете, бумажные, такие бумажные, бумажные. Прикрепляются – это ж было искусство каждого индивидуума сделать красивую такую флажок что ли, или палочку. Прикрепить, сверху почему-то яблоко такое красное, и в этом яблоке вставлялась свечка. Ну, и ходили, и каждый хвастал, вот у меня лучше – ну как мода, знаете. У кого лучше. Конечно, официального конкурса не было. Были всякие там. Что или порвали кому-то флажок, или подожгли его. Знаете, нужно было свечку. Ой, разреши мне поджечь, это зажечь свечку. И он якобы случайно. [Это так хулиганили?] Детская зависть (Chern_06_04_Kleyman).

Поскольку это свидетельство единичное, а информант – широко образованный человек, редактор местной газеты, вполне возможно, что он просто пересказал нам содержание известного рассказа Шолом-Алейхема, а не воспроизвел события своего детства в бессарабском местечке Вад-Рашков.

Объяснение происхождения календарных обрядов для детей

В целом нам довольно редко встречаются информанты, которые могут объяснить происхождение того или иного еврейского праздника. Иногда они воспроизводят многочисленные популярные лекции, которые недавно прослушали в современных еврейских общинах, но чаще говорят, что уже все забыли и ничего не помнят. Только два дня в году выбиваются из этой картины: Пурим и Песах. Пересказ истории о царице Эстер и злом министре Амане, который хотел погубить всех евреев, а также рассказ об исходе евреев из Египта – это те библейские сюжеты, которые мы чаще всего записываем в экспедициях. И это не удивительно, поскольку обе истории ежегодно рассказываются (или рассказывались в детстве наших информантов) во время празднования Пурима и Песаха в ходе самой церемонии.

Однако иногда пересказы библейских сюжетов сильно отличаются от оригинальных текстов. В повествование вводятся дополнительные детали, изначально отсутствующие в тексте Библии, но зачастую присутствующие в более поздней еврейской литературной традиции. При этом наши информанты ссылаются не на письменные источники, а на то, что именно так им объясняли происхождение традиции празднования этих календарных дат их родители. Они иногда сами удивляются, что не могут найти в текстах доступной теперь Библии те сюжеты, которые запомнили по рассказам мамы или бабушки. Так, одной из интересных подробностей, которую наши информанты добавляют к сюжету книги Эстер (Эсфирь), является рассказ о дочери (или жене) Амана, которая вылила с верхнего этажа своего дома на Амана ведро с помоями, поскольку думала, что на его месте, около лошади, находится Мордехай:

Еще мой папа рассказывал, что Аман – он о Пуриме рассказывал – что Аман шел... он думал... он шел, а те, кто шел за ним, – это были другие люди, они шли к евреям, и когда он шел, он говорил, показывал им, куда надо идти и т. д. А дочка Амана стояла на балконе, на втором этаже. Он сказал: «Возьми – когда пройдет Мордехай – облей его из горшка, прости, мочой». А она облила своего отца. Мочой его облила. Но ничего... Царь уже отменил приказ. Вот так все евреи были спасены благодаря царице Эстер (MP_08_082_Rikelman, перевод с идиша – А. Полян).

Следует отметить, что такой сюжет встречается в раввинистической литературе. Впервые он упоминается в Вавилонском Талмуде, где в дополнение к нему сказано, что, увидев свою ошибку, дочь Амана бросилась с крыши и разбилась (BT, Мегила 16a). Разрабатывался этот сюжет и в более поздних еврейских письменных источниках, появлялся в виде иллюстраций на средневековых рукописях и т. п. Однако характерно, что наши информанты знакомы с этим сюжетом не из Талмуда, а из устных рассказов родных или школьных учителей (Chern_oct_09_022_Altikes). Вероятно, что такая яркая, запоминающаяся деталь в пересказе основных событий, которым посвящен праздник Пурим, должна была оказать сильное воздействие на детскую память. Главный злодей облит своей же дочерью содержимым ночным горшка. И поэтому не случайно, что именно эта вариация библейского сюжета сохранилась в народной памяти так долго.

И еще несколько таких красочных деталей, доступных детям и призванных заинтересовать их, мы фиксируем в народных пересказах библейских событий, связанных с Пуримом и Песахом. Так, некоторые наши собеседники воспроизводили нам объяснения, по-

лученные ими в детстве о том, почему было принято печь ументаш, печенье на Пурим, треугольной формы. Традиционное объяснение таково – у Амана была шапка такой формы, как треуголка у Наполеона⁷ (Chern_04_01_Shternberg). Но дважды встретилась нам не совсем стандартная мотивировка этого обычая:

Да, да, да. И теперь делают. [...] Эти ументашн такие вот трехугольничек, с такими вот ушками. [А почему с ушками?] Делается, и мама рассказывала, эти ушки, потому что Аману натягивали уши, когда-то. [Натягивали?] Да. Поэтому делаются эти вот ушки. [А это в память... в память о том, что произошло с Аманом, да?] Да, да. [А что там произошло?] Ну, я, я не могу вам уж это. Мама рассказывала (Khotin_07_02_Vaysman).

Другой информант, в том же Хотине сообщил нам, что на Пурим принято делать треугольные пирожки, «потому что ему [Аману] вухо видрубалы» (Khotin_05_Mednik). Вероятно, мы сталкиваемся здесь с некоторой локальной традицией, но, кроме того, можно заметить, что перед нами – детская мотивировка, которая запомнилась нашим собеседникам при том, что остальные детали праздника Пурим и библейской истории почти стерлись из их памяти.

Также зачастую связано с детскими мотивировками объяснение обычая печь мацу на праздник Песах. Несмотря на то что история Исхода обычно рассказывается очень близко к библейскому оригиналу, многие информанты добавляют характерную деталь, отсутствующую в Библии: мацу пекли прямо на телах людей – на головах, на плечах, на спине или на коленках (Chern_05_03_Gorovitz, Chern_07_010_Zherebetzkaya, Chern_05_02_Gimmelbrandt, Storozh_06_01_Klichinskiy и др.), поскольку не успели приготовить тесто:

И евреи были уже там, они там... там они не успели испечь хлеба, так они пекли лепешки, почему маца – они пекли лепешки пресные, без дрожжах, на солнце просто пеклись лепешки за то, что сейчас мы семь дней кушаем мацу. [А на чем они пекли мацу?] Да просто, просто на голову – на солнце пекли за то, что жара была такая, что можно было яйцо печь на солнце (Chern_07_020_Lebenzon).

Вероятно, эта красочная подробность, передающая тяготы путешествия древних евреев по раскаленной пустыне, ярко запечатлелась в детской памяти и поэтому сохранилась во множестве вариантов.

Еще одно яркое воспоминание о праздновании Песаха связано с вышеупомянутой фигурой Ильи-пророка – Эли а-Нуви, как называют его наши информанты. Ему наливали отдельный стакан вина и ждали, что он посетит те дома, где проводится седер. Дети

М.М. Каспина

очень хотели увидеть если не самого Илью-пророка, то хотя бы как убывает вино в бокале. Одна наша собеседница вносит рационализаторские моменты в свои детские воспоминания:

Мама вдруг встает, и открывает дверь, и начинает: «Бурех абу, бурех абу...» [Благословен входящий]. А я сижу, и мне холодно. Апрель месяц. Или март. – Закрой дверь, мне холодно. – Сейчас, сейчас. Бурех абу, бурех абу, – закрыла дверь. Попили это вот вино. Там каждому свой кос [стаканчик]. Ну и продолжаем. Я говорю: Мама, а кого ты приглашала? – Она говорит: Эли а-Нуви. [...] Мне шесть лет было. Проходит год, и опять этот – седер. Опять мама открывает и просит. Я смотрю внимательно на дверь, смотрю на кос – кто же придет пить? Кончилось. Я говорю: Мама, мне кажется, что ты меня обманываешь – я так следила внимательно – не видел никого, никто не пил – вот его кос полный. Она говорит: Это не человек, которого мы видим, это малах – ангел, который летит, и он не может пить много – он должен облететь все еврейские семьи. [...] А потом я начала учиться, начала совсем по-другому мыслить – как это можно кто-то летать? Евреи живут почти по всему миру – как в один вечер может кто-то их облететь? – Нет. Это что-то мне непонятно (Chern_04_02_Roitman).

Любопытно, что именно с размышления над этим обычаем в послевоенный период начался отход нашей информантки от еврейской религиозной традиции. А тот, кто хотел увидеть Илью-пророка, уверял себя и окружающих, что видел, как дрожало и убывало вино:

И потом, значит, один стакан, бокал для Элиоху а-Нуви, значит, это... Элиоху а-Нуви. И мать открывает дверь в полночь, шо Элиоху а-Нуви должен прийти, он должен побыть... И действительно, что-то меньше стало, что-то меньше стало... [смеется]. Что-то меньше стало в бокалах! (Chern_05_01_Shternberg).

Таким образом, можно отметить, что в детской памяти наших информантов отложились яркие детали и красочные мотивировки, призванные заинтересовать детей принимать активное участие в основных календарных обрядах.

Изменение повседневного уклада: украшение дома и праздничная трапеза

Последний фактор, способствующий запоминанию праздничных обрядов и практик, который мы рассмотрим в рамках данной работы, связан с внесением изменений в уклад повседневности. Речь пойдет о специфических, характерных для каждого праздника кулинарных традициях, а также об украшениях дома. Описания праздничного стола и рецептов традиционных еврейских блюд

занимают существенное место в наших интервью. Информанты вспоминают, как пекли мацу на Песах, делали латкес (картофельные оладьи) на Хануку, ументаша на Пурим, фаршированную рыбу на новый год, Песах и на свадьбу. На все праздники пекли бисквитный лекех, а на особенно торжественные даты готовили флудн и штрудель. Рассказы о довоенных праздниках сменяются воспоминаниями о том, как эти блюда готовили близкие родственники информантов, а затем к этим рецептам дополняются новые подробности – как делают эти праздничные блюда сейчас сами наши информанты. Очень часто именно кулинарная составляющая праздника сохранялась на протяжении всех лет советской власти, сохраняется она и в наши дни. Более того, мы неоднократно вместо рассказа о празднике записывали только воспоминания о том, что было принято готовить в этот день. Например, практически все зафиксированные нами рассказы о празднике Шавуот, или в местном произношении «Швиес / Швис», касаются двух моментов: в этот день принято было есть молочную пищу, а также в этот день было принято приносить в дом зелень и украшать ею окна, стены и пол:

Шесть недель после Пейсаха – это, Швис. [А что делали на Швис?] На Швис, это, надо кушать молочное обязательно. Ну, можно и мясо, но ... молочное. Делается... книшелэх ну, с творогом. [Книщ...?] «книшелэх» называется – это, эм, как вам сказать... тесто, ну, с творогом такой. Например, я делаю такие, как восьмерки, знаете. Вот замешиваю тесто, но можно, можно делать на кефире, там, яичко и все. Можно делать на теплой... водичку и там яйцо, все такое тоненькое, раскатаешь, мажешь подсолнечного масла, ставишь творог – именно молочное кушают тогда. И делаешь: нарезаешь, закручиваешь, можно половинку такую это, «книщлэх» называется. Ну, лапшу с молоком, сладкое. [А почему на Швис молочное?] Молочное. А вот... Не знаю, молочное – потому что это... э, Швис – я знаю, этот праздник связ..., означает, я не знаю, что он означает. Я уже забыла, что он означает! Знаю я все праздники, а это забыла уже. [А вот что-нибудь в дом не приносили, какие-нибудь, может, растения на Швис?] Ну, Швис – это шо, цветы можно поставить, зелень (Chern_07_024_Koifman).

Мотивировка празднования Шавуота на 50-й день после Пасхи полностью забылась, но рецепт праздничного блюда сохранился, причем, скорее всего, активно используется и по сей день. Обычай приносить в дом зелень на Шавуот почти всегда вызывает в сознании наших собеседников параллель с христианской Пятидесятницей, или как этот день называют украинцы, праздником «Зелены Свята»:

М.М. Каспина

«[На Швиес] Пекут пироги с укропом, с луком, и зелень приносят в дом. И евреи, и укр... и православные. Тоже. В квартире зелень. На базаре специально продают такие камыши что ли. И они это вот... украшают квартиры (MP_08_022_Nayberg).

На Швиес должны были быть все молочные блюда. Молочные вареники, печенье, все должно быть молочное. Вареники с творогом. Картошечку если ты сварил – сверху творог. Все молочное должно быть. [...А почему именно молочное?] А я не спрашивала. И нигде я не находила почему-то. У них тоже это зелены свята, у них тоже все молочное. И вообще, чтоб вы знали, у нас праздники первые, а у второй праздник ихний, он такой же похожий на нас. У нас Швиес, у них Зелены свята, но еда та же самая (Chern_07_026_Katz).

Соседство двух похожих праздников в культуре соседствующих народов неизбежно порождает переплетение некоторых обрядовых практик. Еще одна такая практика связана с генеральной уборкой дома перед праздником Пасхи. Украинцы белят хаты и убирают дома на Чистый Четверг. Евреи убирают дом перед Песахом, причем помимо обычной грязи необходимо избавиться дом и от нечистоты ритуальной.

И именно момент необычной уборки в доме и подготовки к празднику хорошо помнят многие наши информанты:

Ну, Пейсах, девочки, – это я умру – никогда не забуду, как красиво у нас это все проходило! [...] готовились за неделю, убирали, чистили, все делали, все драили, все вылизывали, я помню (Chern_07_04_Katz).

Детей тоже задействовали при этой генеральной уборке. Особая роль отводилась им как раз при наведении ритуальной чистоты. Дети должны были следить, чтобы в доме не осталось ничего квасного:

Перед Пейсах надо убрать квартира. Очень чтобы было чисто. Чтобы не было ни кусочка хлеба, ничего такого чтобы не было. Там... тико, тико мацу должно, на Пейсах должно кушать мацу. [...] А накануне вот нужно: наступает завтра Пейсах – собирали кусочек хлеба, пиро от курица и завязали... и ложку, ложку, ложку такую деревянную, завязали... А там возле синагога хлопцы выкопали яму – и все ходили этот khumets – farbrenen dem khumets [сжигали квасное]! Гореть этот khumets (Chern_05_01_Shternberg).

Перед самым праздником с чердака дома доставали специальную пасхальную посуду – она отличалась от повседневной особым узором или формой. Такие узоры, цветочки, орнамент особенно ярко запечатлелись в детской памяти:

[А у вас была какая-то специальная посуда на Пейсах?] До войны была, девочки, до войны была. Я помню, были такие специальные тарелки, на которых мама ставила... мацу ставила, были специальные... вот я помню – вот до сих пор помню... Я когда-то на базаре видела такую стопочку – я аж заплакала (Chern_07_04_Katz).

Этой посудой пользовались только в течение пасхальной недели, а потом ставили ее обратно на чердак.

Также необычным разнообразием, вносящим изменения в повседневную жизнь, отличался праздник Суккот, в который принято было строить рядом с домом сукку, или кущу – временную палатку, в которой ели в течение всех дней праздника:

А в Суккот – вот это праздник, это делается, это не в доме; это именно надо, чтоб был шалаш такой. Ну, я помню, у нас во дворе там было такое, ис... из досок сделано, но надо же было прикрыто из кукурузной вот это, знаете? Когда кукуруза снимают, и вот эти палки надо именно (Chern_07_024_Koifman).

И так же, как необычная еда, необычная посуда, принесение в дом зелени или строительство шалаша рядом с домом, приуроченные к определенным календарным датам, запечатлелись в памяти наших информантов на многие годы.

Итак, следует отметить, что основные механизмы сохранения детской памяти о традиционной культуре на примерах календарных обрядовых практик и фольклора таковы:

– запоминаются события, которые требовали непосредственного участия ребенка в праздничной церемонии, были связаны с получением подарков, денег, сладостей;

– запоминается все необычное, связанное с нарушением повседневного уклада жизни: календарно регламентированное антиповедение, особая праздничная еда, украшение дома, особая пасхальная посуда и т. п.;

– запоминаются яркие детали и подробности, объясняющие происхождение того или иного праздника или праздничного обряда, адаптированные для детского восприятия: евреи пекли мацу на плечах и коленях, Аману отрубили ухо, а его дочь вылила на отца ночной горшок, Илья-пророк заходит в пасхальную ночь в каждый еврейский дом и следы его присутствия можно увидеть и т. п.

Детская память избирательна и ассоциативна. Возможно, с точки зрения реконструкции традиционной системы календарной обрядности эти нарративы не очень представительны. Ведь наши информанты выбирают далеко не самые значимые элементы обрядов в качестве основной характеристики того или иного праздника.

Тем не менее их рассказы отражают современное состояние коллективной памяти о традиционной восточноевропейской культуре, переживающей сложные процессы трансформации и модификации. Через детские воспоминания транслируется историческая память о самых устойчивых деталях традиционной культуры. В дальнейшем интересно было бы сопоставить воспоминания о еврейских календарных обрядах информантов из Подолии, Бессарабии и Буковины с воспоминаниями более ассимилированных и далеких от традиций евреев из других регионов советской России, Украины, Белоруссии. Таким образом можно будет проверить действительность выявленных механизмов детской памяти и проследить за дальнейшей редукцией еврейского календарного обрядового комплекса.

Список информантов

- Chern_04_01_Shternberg – ж., 1925, род. Хотин (Бессарабия), зап. Черновцы, 2004.
Chern_04_02_Roitman – ж., 1931, род. Карпач (Бессарабия), зап. Черновцы, 2004.
Chern_05_01_Shternberg – ж., 1925, род. Хотин (Бессарабия), зап. Черновцы, 2005.
Chern_05_02_Gimmelbrandt – ж., 1932, род. Черновцы, зап. Черновцы, 2005.
Chern_05_03_Gorovitz – ж., 1926, род. Томашполь (Подолия), зап. Черновцы, 2005.
Chern_06_04_Kleyman – м., 1931, род. Вад Рашков (Бессарабия), зап. Черновцы, 2006.
Chern_06_09_Zherebetzkaya – ж., 1921, род. Неполоховцы (Буковина), зап. Черновцы, 2006.
Chern_06_14_Ivankovitzer – ж., 1933, род. Шаргород (Подолия), зап. Черновцы, 2007.
Chern_06_14_Korenblit – ж., 1957, род. Черновцы, зап. Черновцы, 2007.
Chern_06_Krechmer – ж., 1917, род. Измаил (Бессарабия), зап. Черновцы, 2006.
Chern_07_01_Koymfan – ж., 1928, род. Бричаны (Бессарабия), зап. Черновцы, 2007.
Chern_07_010_Zherebetskaya – ж., 1921, род. Неполоховцы (Буковина), зап. Черновцы, 2007.
Chern_07_017_Gurfinkel – м., 1924, род. Хотин (Бессарабия), зап. Черновцы, 2007.
Chern_07_020_Lebenzon – ж., 1928, род. Оргеев (Бессарабия), зап. Черновцы, 2007.
Chern_07_024_Koymfan – ж., 1928, род. Бричаны (Бессарабия), зап. Черновцы, 2007.
Chern_07_026_Katz – ж., 1935, род. Черновцы, зап. Черновцы, 2007.
Chern_07_04_Katz – ж., 1935, род. Черновцы, зап. Черновцы, 2007.
Chern_08_01_Averbukh – ж., 1927, род. Кишинев, зап. Черновцы, 2008.
Chern_09_08_Gurfinkel – м., 1924, род. Хотин (Бессарабия), зап. Черновцы, 2009.
Chern_oct_09_022_Altikes – ж., 1922, род. Хотин (Бессарабия), зап. Черновцы, 2009.
Khotin_05_Mednik – м., 1932, род. Хотин (Бессарабия), зап. Хотин, 2005.

Календарные обряды и фольклор в воспоминаниях евреев Украины

- Khotin_07_02_Vaysmany – м., 1931, род. Хотин (Бессарабия), ж., 1931, род. Хотин., зап. Хотин, 2007.
- MP_08_022_Nayberg – ж., 1933, род. Малые Чернивыцы (Подолия), зап. Могилев Подольский, 2008.
- MP_08_082_Rikkelman – ж., 1929, род. Могилев Подольский, зап. Могилев Подольский, 2008.
- Novosel_09_06_Krupnik – м., 1918, род. Новоселица (Буковина), зап. Новоселица, 2009.
- Storozh_06_01_Klichinskiy – м., 1932, род. Фараоновка (Бессарабия), зап. Сторожинец, 2006.
- Tul_05_Katzman – ж., 1934, род. Тульчин (Подолия), зап. Тульчин, 2005.

Примечания

- ¹ Экспедиции проводились в 2004–2009 гг. Центром библеистики и иудаики РГГУ, а также межфакультетским центром «Петербургская иудаика» Европейского университета в Санкт-Петербурге совместно с Центром научных работников и преподавателей иудаики в ВУЗах «Сефер».
- ² Шолом-Алейхем. Собрание сочинений в шести томах. Т. 5. М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1961; *Башевис-Зингер И.* В суде моего отца. СПб.: Лимбус-Пресс, 1997; *Венгерова П.* Воспоминания бабушки. Очерки культурной истории евреев России в XIX веке. М.; Иерусалим: Мосты культуры, 2003; *Котик Е.* Мои воспоминания. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге; М.; Иерусалим: Мосты культуры, 2009; *Shtern Yehkiel.* A Kheyder in Tyszowce // East European Jews in two worlds. Studies from the Yivo annual. 1990. P. 51–70; *Beauty in Holiness – Studies in Jewish Customs and ceremonial art* / Ed. by Joseph Gutman. Ktav. Published House INC, 1970; *Zborowski M., Elizabeth H.* Life is with People: The culture of the Shtetl. Schocken Books New York, 1995; *Носенко Е.Э.* «... Вот праздники Бога». М.: Восточная литература, 2001.
- ³ См.: *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // *Неприкосновенный запас.* 2005. № 2–3. С. 40–41; *Он же.* Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007.
- ⁴ Подробнее о практиках, связанных с мацой в традиционной культуре евреев Восточной Европы, см.: *Львов А.* Межэтнические отношения: угощение мацой и «кровавый навет» // Штетл XXI века. Полевые исследования. С. 65–82 (особенно – 71–73).
- ⁵ См.: *Венгерова П.* Указ. соч. С. 75; *Shtern Y.* Op. cit. P. 63 и др.
- ⁶ *Шолом-Алейхем.* Флажок // Шолом-Алейхем. Собрание сочинений. Т. 5. С. 357–371.
- ⁷ Подробнее об этой традиции см.: *Дымшиц В.А.* Еврейский лубок и еврейский народный театр // Традиционная культура. Поиски. Интерпретации. Материалы. СПб.: РИИИ, 2006. С. 140–151.